

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Веселова Федора Никитовича на тему: «Лицевые списки Сказания о Мамаевом побоище XVII-XIX вв. в музейных и библиотечных собраниях», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 24.00.03. – «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов»

Диссертация Ф. Н. Веселова написана как серьезное исследование в области истории одного из важных источников, ключевого памятника Куликовского цикла – Сказания о Мамаевом побоище. Вместе с тем специальный объект исследования диссертанта – это лицевые списки Сказания; следовательно особое место (и это связано с выбранной специализацией диссертации) занимает исследование изобразительного ряда, иконографии.

Стилистически текст диссертации излишне патетический, подчас доходящий до банальности. Некоторые мысли, высказанные во введении – явно не бесспорны, однако принимаются автором за аксиомы, специально не обосновываются. Я не могу согласиться, к примеру, что рукописи (лицевые рукописи), хранящиеся в музейных (скажем_ собраниях – играют (в музее, в том числе – в музейной экспозиции) роль более важную, чем артефакты, реконструкции, макеты. Полагаю, что функции у этих объектов в музейной экспозиции разные. Точно так же утверждения о том, что глобальные изменения современной политики (даже – геополитики, как пишет диссертант, не раскрывая, что таит в себе это сложное, до конца неясное понятие) как-то по-новому будируют формы «социальной памяти» (что это – так же остается неясным. Считать ли Лицевой летописный свод так уж безапелляционно «глобальной исторической энциклопедией XVI века» или не считать – этот вопрос не очевиден. Несколько странно читать в диссертации и о «восторге ученых», при встрече с миниатюрами лицевой рукописи из Лондона. Однако текст «Введения» ведет читателя к следующему – к пониманию, что объектом диссертации служат восемь лицевых списков «Сказания о Мамаевом побоище».

В первой главе диссертант ставит амбициозную задачу: датировать возникновение «архетипа лицевого Сказания» (видимо, имеется в виду утраченный протограф известных лицевых рукописей), причем не только датировать, но и реконструировать его. Логичный путь, и им предлагает следовать автор – понять взаимосвязь между известными списками лицевых Сказаний. Здесь Ф. Н. Веселов в значительной мере опирается на труды предшественников (С. К. Шамбинаго, Л. А. Дмитриев, А. Е. Петров). Далее диссертант, подробно останавливаясь на обосновании используемых терминов (иллюстрация, эпизод и проч.) определяет 100 иллюстрированных эпизодов Сказания (вслед за Л. А. Дмитриевым, в 1974 г. выявившем 97 таковых эпизодов). На дискуссии с Л. А. Дмитриевым в значительной степени построено и дальнейшее изложение первой главы. Кроме

вх 09/2-192 от 17.09.2018

того, диссертант здесь стремится обновить ранее принятую хронологию списков Сказания. Обращает на себя внимания «модернизирующая» лексика автора «русские разведчики», «диспозиция», «передовая». Нет уверенности уместности этих терминов в диссертации. В то же время есть и несомненные удачные наблюдения автора, позволяющие приблизиться к убедительным датировкам списков Сказания (к примеру – анализ использования слов «драбы» и «жолнеры», убедительно относящий анализируемый текст ко времени не ранее XVI в.). В целом, проведенная работа над классификацией рассматриваемых списков лицевого Сказания выглядит качественной и плодотворной. Не во всем удачной показалась мне аргументация (с. 54-55) касающаяся тезиса о том, что «художник списка Л столкнулся с поврежденным изобразительным рядом и вынужден был его воссоздать самостоятельно» и вот почему. Один (четвертый) аргумент Ф. Н. Веселова заключается в том, что миниатюра с «сообщением информации о Видении» (так формулирует Ф. Н. Веселов) является «анахронизмом». Вряд ли уместно употреблять данный термин в рассуждении о средневековой культуре, которой привычная человеку эпохи модерна последовательная хронологическая канва событий вовсе не имманентна. Вместе с тем обращу внимание на плодотворные находки диссертанта в этой главе. Так, удачным представляется сравнение мотива «бегства князя из города» в Сказании со сходными мотивами (и их иконографией) в Радзивилловской летописи. Это, полагаю, всерьез позволяет приблизиться к постижению тех задач, которые автор ставит перед собой: определить и датировать утраченный протограф лицевого Сказания.

Во второй главе диссертант рассматривает иконографические особенности миниатюр лицевого Сказания. Эта работа проводилась отчасти и в первой главе (ср. выше в моем отзыве о мотиве бегства князя из города), здесь же рассматривается большой перечень мотивов и ищутся аналогии им в иконографии; чем решаются и прежняя, сформулированная в первой главе задача – исследовать структуру и датировать утраченный протограф. Ф. Н. Веселов предлагает разделить мотивы на «молитвы», «этикетные сцены» (не уверен, что данный термин удачен), «батальные сцены», а также «видения и знамения». Диссертантом проделана очень серьезная и впечатляющая работа по поиску аналогий; в целом построения этой главы выглядят фундированными и убедительными. Так, интересна найденная аналогия мотива обретения раненого князя Дмитрия после битвы в иллюстрациях Александрий, изображающих Александра, находящего после боя раненого Дария. И, повторюсь, проведенный Ф. Н. Веселовым анализ всерьез помогает диссертанту подойти к вопросу о датировке утраченного протографа. Вывод (с. 109) однако примечателен. По мнению диссертанта, «художник» (видимо, имеется в виду автор протографа) не использовал аналогий из древнерусской книжной традиции и традиции византийского (это прилагательное Ф. Н. Веселов с упорством пишет с прописной буквы) мира, но «вновь и вновь создавал собственные оригинальные по сюжету произведения,

